
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТОКАРЕВ: ЖИЗНЬ В НАУКЕ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/7-20

Научная статья

© *Е. Ю. Елькова, Е. С. Токарева*

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТОКАРЕВ: СЕМЬЯ, ДРУЗЬЯ, УЧЕНИКИ

В статье на основании документов семейного архива восстановлена генеалогия выдающегося советского этнографа Сергея Александровича Токарева, потомка славных семей тульского духовенства (Дарских, Каркадиновских и Ляпидевских) со стороны матери и сына выдающегося педагога, статского советника Александра Ивановича Токарева, инспектора тульской гимназии, а впоследствии преподавателя школы 2-й ступени г. Алексина и основателя школы для крестьян деревни Щукино Тульской губернии. В статье рассказывается о влиянии родителей и родни в целом на формирование личности, привычек, убеждений и особенностей характера Сергея Александровича Токарева. В статье также раскрывается его роль в жизни брата и сестры, детей и внуков, а также многочисленных отечественных и зарубежных учеников. Уникальность личности С. А. Токарева, черты характера, такие как доброта, феноменальная память, невероятная работоспособность, широта взглядов, трудолюбие и жадная потребность знаний, крепкое здоровье и другие, свойственные только ему и выделяющие его среди его родных и коллег, сделали Сергея Александровича Токарева человеком, память о котором останется не только в науке, но и в сердцах людей.

Ключевые слова: *Токарев Сергей Александрович, этнограф, религиовед, семья, друзья, ученики*

Ссылка при цитировании: *Елькова Е. Ю., Токарева Е. С. Сергей Александрович Токарев: семья, друзья, ученики // Вестник антропологии. 2024. № 4. С. 7–20.*

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/7-20

Original Article

© *Elena Elkova and Evgeniya Tokareva*

SERGEY ALEXANDROVICH TOKAREV: HIS FAMILY, FRIENDS, AND STUDENTS

The article focuses on the genealogy of the distinguished Soviet ethnographer Sergei Alexandrovich Tokarev, which is documented in the family archive. His mother

---

Елькова Елена Юрьевна — к. иск., хранитель, Государственный исторический музей (Российская Федерация, 109012, Москва, Красная площадь, 1). Эл. почта: elenaelcova61@icloud.com

Токарева Евгения Сергеевна — д. и. н., ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а). Эл. почта: estokareva@yandex.ru

was a descendant of the esteemed Tula clergy families Darsky, Karkadinovsky and Lyapidevsky, his father Alexander Ivanovich Tokarev was an outstanding teacher, state councilor, inspector of the Tula gymnasium, and later a teacher in the city of Aleksin school, who also founded a school for the peasants of the village of Shchukino in the Tula province. The article delineates the influence of parents and other relatives on the formation of personality, habits and beliefs of Sergei Alexandrovich Tokarev. The article also elucidates his role in the lives of his brother and sister, children and grandchildren, as well as numerous Russian and foreign students. The distinctive character traits of S. A. Tokarev, including kindness, remarkable memory, incredible efficiency, broad perspectives, dedication to hard work and an insatiable appetite for knowledge, along with other qualities that distinguish him among his relatives and colleagues, have ensured that he will be remembered not only in the annals of science but also in the hearts of people.

Keywords: Tokarev Sergey Alexandrovich, ethnographer, religious scholar, family, friends, students

Authors Info: Elkova, Elena Yu. — Ph.D. in Art History, The State Historical Museum (Moscow, Russian Federation). E-mail: elenaelcova61@icloud.com

Tokareva, Evgeniya S. — Dr. of History, Leading Researcher, Institute of World History Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: es-tokareva@yandex.ru

For citation: Elkova, E. Yu. and E. S. Tokareva. 2024. Sergey Alexandrovich Tokarev: His Family, Friends, and Students. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 7–20.

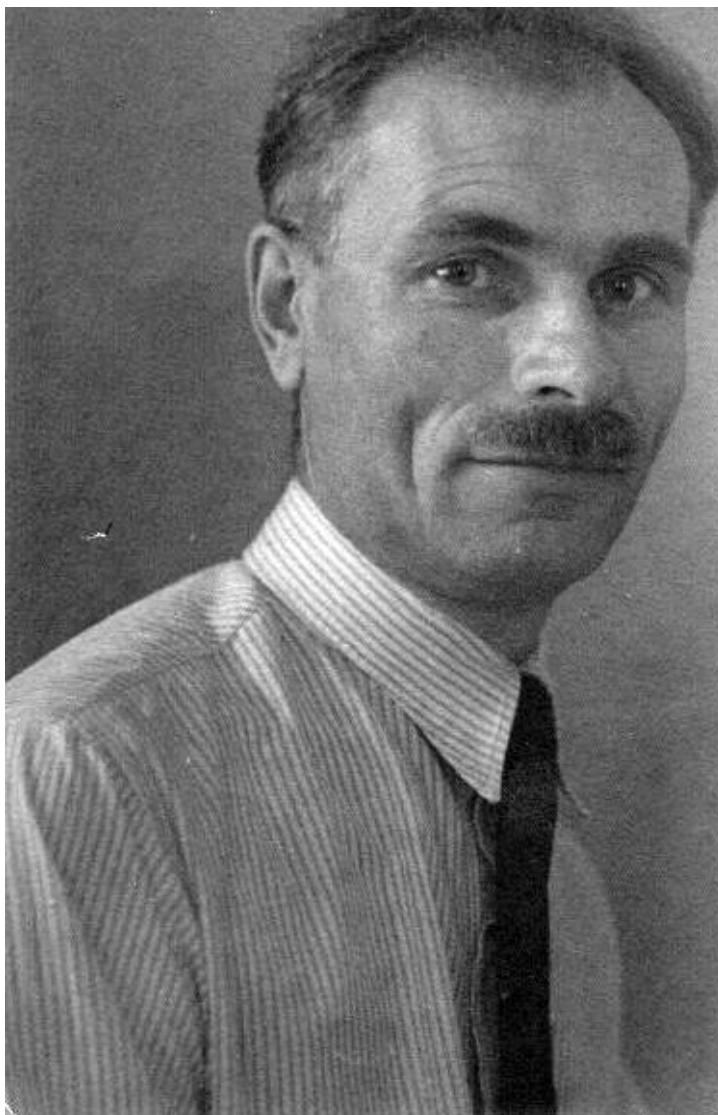
Владимир Николаевич Басилов, автор одной из статей в книге, изданной к 10-летию со дня смерти Сергея Александровича Токарева, объяснил уникальность его личности тем, что он «представлял собой тип русского интеллигента дореволюционной поры» (Басилов 1995: 39). С таким определением, конечно, невозможно спорить, хотя оно и не исчерпывает всю уникальность этого человека. Следует добавить такие черты его личности, как крепкое здоровье, феноменальную память, невероятную работоспособность, широту взглядов, трудолюбие и жадную потребность знаний. Но и этого недостаточно. Большую роль в формировании его как личности и как ученого сыграла непосредственная узкая среда, в которой он вырос, — семья, его самые близкие люди. Как и под чьим влиянием сложились характер и мировоззрение С. А. Токарева? Об этом мы попробуем рассказать в своей статье.

Главным человеком для Сергея Александровича, чье влияние сохранялось на протяжении всей его жизни, был отец Александр Иванович Токарев. Сын сельского священника, обучавшийся вначале в семинарии, а затем в Историко-филологическом Институте в г. Нежине, Александр Иванович был педагогом. Сергей Александрович, составляя биографию своего отца, писал о нем: «Одаренный необычайной энергией, большой инициативой, проникнутый высоким гуманным духом, он всегда был не только преподавателем, но и в полном смысле слова воспитателем своих учеников. ... Где только можно он вел и внешкольную общественную и просветительную работу, как с учащимися, так и среди взрослых» (Токарев 1980: 1). Сергей Александрович упоминал о том, что обширная деятельность его отца вызывала подозрения

у властей, и он долгие годы состоял под негласным надзором полиции. Несмотря на это, однако, заслуги Александра Ивановича были столь велики, что он дослужился до чина статского советника.

Одним из главных качеств, которые воспитал в своем сыне Александр Иванович, была удивительная дисциплинированность. В течение всей своей жизни Сергей Александрович ежедневно вел дневниковые записи. Они не были большими, но он ежедневно кратко записывал, что делал, с кем встречался и другие значимые события дня. Он делал эти записи даже, когда для этого не было, казалось, никаких условий — в поездках, экспедициях, в эвакуации. Если не было возможности записывать в тетрадь, он писал на отдельных листочках, которые затем вклеивал в общий текст, в маленьких блокнотиках, также сохраняемых. Все свои дела на ближайший день он тщательно планировал. Другим важнейшим его качеством была большая сдержанность в поведении. Он считал дурным тоном размахивание руками, слишком выразительную мимику, которая раздражала его даже в некоторых актерах и которую он называл кривляньем, слишком громкие голоса. Сам Сергей Александрович за всю свою жизнь ни разу ни на кого не повысил голос, а самым грубым ругательством, которое он себе позволял, было слово «гаврилка», которые он употреблял, как правило, когда сталкивался с бюрократами и невеждами.

Проявлением дисциплинированности стало и его ежедневное принятие по утрам холодного душа и исполнение несложной гимнастики. Его отец, как о нем говорил сам Сергей Александрович, обладал большими познаниями в области гигиены и

Рис. 1. Сергей Александрович Токарев

Проявлением дисциплинированности стало и его ежедневное принятие по утрам холодного душа и исполнение несложной гимнастики. Его отец, как о нем говорил сам Сергей Александрович, обладал большими познаниями в области гигиены и

физической культуры. Достаточно привести строки из одного письма Александра Ивановича от января 1924 г. к дочери: «Будто не понимаешь до сих пор, что все болезни лечит само тело... И надо дать ему силу — усиленным питанием, чистым воздухом и холодным обтиранием» (Письмо 1924). Александр Иванович буквально «выстраивал» личность и организм сына: обливания холодной водой вылечили его наследственную предрасположенность к легочным заболеваниям.

Сергей Александрович вслед за своим отцом считал весьма полезными для организма воздушные и солнечные ванны. Это убеждение привело его в дальнейшем к увлечению европейским движением натурализма. С этим движением он установил контакты и был очень рад узнать о наличии единомышленников. Хотя в советские времена движение натурализма было под явным подозрением властей, в Институте знали о контактах Сергея Александровича, относились к ним с уважением и не препятствовали им.

В начале века Александр Иванович увлекся учением ортобиоза, разработанного И. И. Мечниковым. В частности, учение Мечникова о болгарском кислом молоке было взято на вооружение Александром Ивановичем, а за ним и его сыном. Практически до конца жизни Сергей Александрович обязательно съедал по утрам домашнюю простоквашу. Очень привлекательной для Сергея Александровича, особенно в последние годы его жизни, стала геронтология, следуя которой он в последние годы старался как можно меньше есть мясо.

Александр Иванович заложил и основы лингвистических знаний у сына, ставшего впоследствии полиглотом. Кроме древних языков, Сергей Александрович свободно владел французским, немецким, английским и итальянским языками, а также читал на испанском, польском, чешском, болгарском, сербском и других европейских языках (кроме, скандинавских). Сохранились его тетради студенческих лет по самостоятельному изучению иероглифики восточных языков. Усиленные занятия языками имели еще одно важное значение: Александром Ивановичем таким образом был преодолен у сына детский дефект дикции (Сергей Александрович любил повторять свою фразу при фотографировании близких, над которой все потом долго смеялись: «шнимаю, шпортил, штановись шнова»). Во взрослой жизни от дефекта остался только его своеобразный мягкий выговор шипящих звуков, памятный и дорогой для всех, кто его знал.

Но речь идет не только об иностранных языках. Знание собственного русского языка было у него глубоким и искажение этого языка он считал недопустимым. Характерным примером может послужить его неприятие слова «абитуриент». Сергей Александрович всегда повторял, что слово «абитуриент» означает не поступающего в какое-то учебное заведение, а оканчивающего его. Об этом он даже несколько раз пробовал писать в газеты, но не нашел понимания. Его нельзя было, например, употребляя сокращенную форму, спросить «сколько время»; он неизменно поправлял — «нужно говорить сколько времени». И таких случаев было множество. Читая чью-то работу, он, помимо замечаний научного характера, на полях обязательно исправлял искажения русских слов и выражений.

Учась в гимназии, Сергей Александрович одновременно занимался в музыкальной школе по двум классам: скрипки и рояля. Любовь к музыке прошла через всю его жизнь (Токарева 1995: 9). Можно говорить о его почти профессиональном исполнительстве — на рояле «вслух», и «про себя», когда Сергей Александрович

постоянно напевал и насвистывал классические музыкальные произведения целыми концертами и симфониями.

После того, как Александр Иванович стал инспектором тульской мужской гимназии, семья переехала жить в здание гимназии. Но детство Сергей Александрович провел в доме своего деда, протоиерея тульской Троицкой церкви Сергея Федоровича Дарского. О. Сергей был зятем другого тульского протоиерея, Якова Каркадиновского, на младшей дочери которого, Александре, он женился в 1861 г. В начале того же года старший сын о. Якова Николай (в монашестве — Сергей) был хиротонисан во епископа Курского и Белгородского. Позднее архиепископ Сергей (Ляпидевский), после весьма кратковременного пребывания на казанской кафедре, стал архиепископом Кишиневским и Хотинским, затем недолгое время — архиепископом Херсонским и Одесским, а в 1893 г. — митрополитом Московским. Возможно, именно благодаря ему Александр Иванович Токарев, который служил до Тулы учителем в Байрамче (городок неподалеку от Аккермана, Бессарабия), и познакомился там с племянником митрополита Сергея и одним из сыновей о. Сергея Дарского, горным инженером Александром Сергеевичем Дарским. После этого знакомства Александр Иванович переехал в Тулу, где женился на дочери о. Сергея Дарского Марии, и вместе с семьей поселился в доме тестя. В честь обоих почитаемых Сергиев семьи Дарских Александр Иванович и назвал своего сына.

Протоиерей Сергей Дарский имел и другие весьма высокопоставленные родственные и прочие связи. Его родной брат Михаил (в монашестве — Макарий Дарский) в 1881 г. был назначен начальником Иркутской духовной миссии и настоятелем Ниловой пустыни. В 1883 г. он был хиротонисан во епископа Киренского, а с 1902 г. стал епископом Камчатским, Курильским и Благовещенским (*Игумен Евфимий (Моисеев) 2021*).

Помимо этого, о. Сергей удостоился знакомства с о. Иоанном Кронштадским, к которому приезжал в Санкт-Петербург по личному вопросу. Позднее, в 1901 г., когда о. Сергей слег с тяжелым гнойным плевритом, о. Иоанн посетил его во время своего приезда в Тулу по приглашению местной помещицы Веры Тимофеевны Верховцевой и молился за его здоровье. Один из дальних его родственников, П. И. Краснопевцев, вспоминал: «Когда он приехал к Дарским, то... творилось что-то неопишное — улицы были полны народом... Все родные молились об исцелении больного вместе с отцом Иоанном...» (*Елькова 1995: 16*). В Тульских епархиальных ведомостях об этом сообщалось так: «Вместе с Его Преосвященством и в сопровождении некоторых других лиц о. Иоанн посетил болящего протоиерея Сергея Дарского (о выздоровлении которого совершил свое особое моление). [...] Он был поистине воскрешен Иоанном Кронштадтским» (Тульские 1901). Выздоровление о. Сергея действительно можно считать чудом, поскольку в те времена гнойный плеврит в отсутствие антибиотиков вряд ли был излечим. О. Сергей Дарский умер в 1913 г., незадолго до этого отпраздновав свое 50-летнее служение в Церкви.

В семье о. Сергея Дарского было девять детей (помимо еще четырех, умерших в первый же год после рождения) — пять сыновей и четыре дочери. Сергей Александрович Токарев часто вспоминал о своих тетках — Анне, Евгении и Варваре, живших также в этом доме.

Из всех сыновей о. Сергия наибольшей известностью пользовался младший сын, Дмитрий, ставший позднее известным литературоведом (РГАЛИ. Ф. 2113). Он учился в Мюнхене, в Петербургском и Московском университетах; в 1914–1916 гг. были изданы его исследования о Пушкине, Фете, Гоголе, Салтыкове-Щедрине. После революции Дмитрий Сергеевич начал работать в различных архивах и библиотеках. Работая с 1919 г. в Тульской центральной публичной библиотеке, являясь членом коллегии библиотечного отдела Губернского отдела народного образования, Дмитрий Сергеевич много сделал для спасения книг из частных собраний и библиотек. В 1924 г. он был участником Первого Всесоюзного библиотечного съезда. После 1929 г. Дмитрий Сергеевич был репрессирован и до 1934 г. находился в ссылке. Возможно, ему припомнили, что он был сыном священника. После возвращения он работал в Государственном литературном музее под руководством В. Д. Бонч-Бруевича, а с 1946 г. был заведующим библиотекой Богословского института при Московской патриархии. Дмитрий Сергеевич скончался в 1957 г. в Клинском доме престарелых. Его неопубликованные рукописи 1920–1949-х гг. были предметом последних забот Сергея Александровича, стремившегося восстановить литературное имя Д. С. Дарского.

Сергей Александрович был близок и с детьми своих дядьев, своими двоюродными братом и сестрой — Сергеем, сыном старшего сына о. Сергия Федора, и Маргаритой, дочерью Анатолия, четвертого сына.

Рассказ о знакомствах семьи Дарских в детские годы Сергея Александровича был бы неполным, если не упомянуть о Льве Николаевиче Толстом. Дача Дарских находилась в Козловой Засеке, или, как обычно говорили в семье, в Козловке. Козловка была совсем рядом с Ясной Поляной и члены семьи часто встречали Толстого, проезжавшего верхом на лошади мимо их дачи за почтой. С Толстым встречался и отец будущей жены Сергея Александровича Яков Тюрин, который работал дорожным рабочим близ Ясной Поляны. Правда, толстовством Сергей Александрович по-настоящему увлекся только в последние годы жизни. Его тяга к вегетарианству была в значительной степени подпитана именно толстовством. Часто любил он употреблять и знаменитую формулу Толстого — «е.б.ж.».

Находясь в доме деда, Сергей Александрович был членом большой и дружной семьи, в которой проживали совместно несколько поколений, и это оказало на него огромное влияние. В течение многих лет своей жизни он стремился к тому же образу жизни. В его доме постоянно собирались все его родные и близкие — сестра Вера и ее дочь Кира, жена его покойного брата Евгения Валентина с сыном Сергеем и многие другие, он не мыслил себе жизни без этих частых встреч. Его идеалом была «большая семья» и лишь условия советского быта не позволяли ему создать такой дом, который, вероятно, можно было бы условно назвать родовым имением, где проживала бы совместно вся родня.

Вместе со своей семьей в мае 1917 г. Сергей Александрович переехал в г. Алексин — Александра Ивановича перевели на работу в алексинскую школу. «Помимо собственно педагогической работы, он организовал литературный кружок среди учащихся старших классов... Вскоре им был создан и кружок учителей города — неофициальный и неоформленного состава, — где читались доклады и велись беседы на актуальные общественно-политические темы» (Токарев 1980: 2). В беспокойные революционные годы он часто выступал в Народном доме Алексина перед широким кругом общественности уездного города.

В 1921 г. А. И. Токарев добился перевода из города в деревню Щукино, чтобы вести педагогическую и культурно-воспитательную работу непосредственно среди крестьянства. «С необычайной энергией — хотя уже в 55-летнем возрасте — он организовал школу, оборудовал ее, в тогдашних скудных материальных условиях, необходимым инвентарем, добился трудовой и материальной помощи от населения, украсил классные комнаты картинами из своей личной коллекции. В течение трех лет он вел почти один — с помощью только жены, Марии Сергеевны Токаревой, — и преподавание всех предметов, и вечерние просветительские беседы и лекции для учеников и их родителей» (Токарев 1980: 2). Полно иронии описание Александром Ивановичем в письме к сыну его усилий, благодаря которым он, желая поднять уровень политической грамотности и сознательности среди молодежи в Щукине, подготовил группу сельской молодежи ко вступлению в комсомол. «Сорганизовал было я ячейку комсомольцев в 25 чел., поехал, преподнес этот подарок в Укомпарт: не приняли! Мы, мол, крестьян не желаем, а то они, мелкобуржуазная стихия, засосут нас, рабочую молодежь; и будьте, мол, вы кружком Политпросвета, а не КСМ» (Письмо 1924). Таким решительным отпором со стороны классово и идейно бдительных работников алексинского комсомольского укома Александр Иванович был крайне изумлен.

Александр Иванович умер в 1924 г., заразившись сыпным тифом от одной из крестьянок, за которой он, как и за многими другими, ухаживал во время ее болезни. Он пользовался в Алексине и окрестностях таким большим уважением, что в его похоронах участвовало множество народа — крестьяне и жители города. Щукинцы на руках донесли его гроб до сквера перед Народным домом Алексина, где его и похоронили (Токарев 1980: 5)¹. «Произносились глубоко прочувствованные речи... школе с. Щукина было присвоено имя Александра Ивановича Токарева», — записал Сергей Александрович (Токарев 1980: 5).

В Щукине главной помощницей Александра Ивановича стала его жена Мария Сергеевна, Сергей Александрович назвал ее при составлении генеалогии дошкольным работником. Свою маму он любил очень сильно и ее смерть в 1946 г. оказала на всех ее детей очень тяжелое впечатление. Евгений Александрович сделал для ячейки на Донском кладбище, где ее похоронили, гипсовый барельеф. Для Сергея Александровича день смерти матери навсегда остался траурным днем — в этот день он садился за пианино и играл пьесу Грига «Смерть Озе».

До Первой мировой войны в семье Александра Ивановича Токарева было четверо детей. Старшим был сын Александра Ивановича от первого брака Борис. Но отправившись на войну Борис пропал без вести.

До конца жизни близким другом Сергея Александровича была его младшая сестра Вера. С ней он встречался чаще, чем с другими, она приезжала к нему иногда по нескольку раз в неделю. Вера Александровна вышла замуж за друга их детства Геннадия Николаевича Поспелова, впоследствии известного литературоведа, от которого имела двоих детей — Киру и Глеба. Вера Александровна стала педагогом, учителем пения в одной из московских школ, где проработала всю жизнь. Ее дочь Кира преподавала сольфеджио до самой пенсии. Глеб также избрал творческую профессию, он стал искусствоведом, доктором искусствоведения, известным исследователем русской живописи XIX в. и авангарда начала XX в. Хотя впоследствии Вера Александровна и Геннадий Николаевич развелись, они остались близкими друзьями.

¹ Могила Александра Ивановича была затеряна во время недолгой оккупации города немцами.

Самым младшим братом Сергея Александровича был Евгений, ставший скульптором. Сергей Александрович опекал своего младшего брата, которого родители отправили к нему в Москву в начале 1924 г. Ему тогда было 13 лет. Но его судьба была не слишком удачной. Его первая дочь от брака с Ириной Васильевной Балицкой умерла в 1941 г. в эвакуации от туберкулезного менингита. От второго брака Евгения Александровича с Валентиной Викентьевной Колошко, художницей (в будущем почетным академиком Российской академии художеств), в 1949 г. родился сын Сергей, который разделил профессию родителей — он стал театральным художником (ставил спектакли в театре Гоголя), книжным графиком, живописцем (выставлялся в нашей стране и за рубежом) и также преподавателем изобразительного искусства (во ВГИКе). Но Евгений Александрович недолго радовался сыну. В 1953 г. он утонул во время отдыха в Гурзуфе, где и поныне на кладбище находится его могила с надгробием.

Сергей Александрович в 1922 г. женился на Татьяне Яковлевне Тюриной, которая была инструктором в организации для беспризорных подростков Алексина и одной из первых комсомолок города. Они прожили вместе почти 30 лет и имели троих детей: Александра, журналиста, Миру, преподавательницу французского языка, и Марка, пианиста. Вместе с женой Сергей Александрович перебрался в Москву, поступив в университет.

От второго брака с Ольгой Владимировной Гиршфельд у Сергея Александровича есть дочь Евгения — историк, доктор наук, прямая наследница дела отца в изучении истории религии, соавтор настоящей работы.

Рассказ о семье Сергея Александровича не будет полным, если не упомянуть его потомков — внуков и правнуков. Оба его сына рано скончались от скоротечных болезней, их кончину Сергей Александрович тяжело переживал. Старший сын Александр воевал, окончил МГИМО, в 1960-е был корреспондентом ТАСС в Алжире и Тунисе. Его сыновья окончили Военный институт иностранных языков; Вадим работал в Сирии, Андрей — исполнял интернациональный долг в Анголе, служил военным переводчиком в республике Сан-Томе и Принсипи. По возвращении и до сих пор — преподает, работает в институте Африки РАН, стал известным португалистом. Дочь Миры Елена — кандидат искусствоведения, хранитель Исторического музея. У Марка осталась дочь Млада.

В следующем поколении, среди правнуков Сергея Александровича — четверо молодых людей (двое — Александр и Олег — носят его фамилию) и две девушки, род продолжается.

Трудовая деятельность Сергея Александровича начинается с самого переезда в Москву. Будучи студентом, а затем аспирантом кафедры этнографии Московского института истории с 1927 по 1928 г., Сергей Александрович был в те же годы и позднее научным сотрудником Московской публичной библиотеки (с 1924 по 1926 г.) и преподавателем Коммунистического университета трудящихся Китая (с 1927 по 1929 г.); научным сотрудником Центрального музея народоведения, а также Государственной Академии истории материальной культуры и Центрального антирелигиозного музея. Вероятно, денег для семьи не хватало — на руках Сергея Александровича и Татьяны Яковлевны были его младший брат, мать и дети. Сергей Александрович рассказывал, что одно время даже подрабатывал тапером в кино-театрах. Пришлось ему заняться и преподаванием немецкого, французского языков и латинского языков в школах. Разумеется, перечисление организаций, в которых

работал Сергей Александрович, не может отразить всю сложность политической обстановки тех (довоенных) лет, в которой ему пришлось работать. Ему, к счастью, не довелось испытать на себе всю тяжесть сталинских репрессий, но все же участь обвиняемого в контрреволюционности не обошла и его. В августе 1936 г. он был уволен из Музея народов СССР за «контрреволюционное выступление» (Анчабадзе 2010). Однако Сергей Александрович обратился в Центральный комитет Профсоюзного союза работников политико-просветительных учреждений СССР и в конце 1936 г. был восстановлен на работе (Постановление 1936).

После краткой эвакуации в Абакан, где Сергей Александрович работал в Абаканском учительском институте в 1941–1943 гг. заведующим кафедрой истории, он был приглашен на работу в созданный в системе Академии наук СССР в Москве в 1943 г. Институт этнографии под руководством Сергея Павловича Толстова. Коллегами и друзьями Сергея Александровича в эти годы становятся, кроме С. П. Толстова, его заместитель Максим Григорьевич Левин, талантливый антрополог и этнограф; Георгий Францевич Дебец, крупнейший антрополог; Павел Иванович Кушнер; Марк Осипович Косвен; Николай Николаевич Чебоксаров; Михаил Григорьевич Рабинович; Михаил Михайлович Герасимов и многие, многие другие. И можно смело сказать, что дружба с этими людьми оставила в его душе глубокий след. Нам хотелось бы особенно выделить некоторых из них, хотя, разумеется, в рамках одной статьи невозможно сказать обо всех.

Особую роль в судьбе Сергея Александровича играл Соломон Ильич Брук. Он был не только одним из первых рецензентов его работ, но и постоянным «ангелом-хранителем». Все хорошее, что делал Институт для Сергея Александровича, часто исходило именно от него. Он боролся совместно с другими сотрудниками за премии и награды для Сергея Александровича, продвигал в печать работы, написанные не всегда «в духе времени».

Большая дружба связывала Сергея Александровича с дважды доктором философских и исторических наук — Борисом Федоровичем Поршневым, причем их связывала не только любовь к науке, но и общий интерес к «реликтовому гоминиду», а также любовь к искусству. Борис Федорович очень любил петь, а Сергей Александрович — аккомпанировать. Живя в соседних домах, они встречались для совместного музицирования пару раз в неделю. Последний раз это случилось вечером накануне отъезда Бориса Федоровича в санаторий «Узкое», а через два дня, 26 февраля 1976 года мы узнали о скоростижной смерти Бориса Федоровича. Это было страшным ударом не только для семьи Поршневых и науки, но и для нашей семьи. Сергей Александрович предпринял немало усилий, чтобы последняя работа Поршнева, его монография «О начале человеческой истории», увидела свет.

Нельзя не назвать и ряд ученых тех лет, работавших под руководством Сергея Александровича и частых гостей дома: ленинградцев — Эрну Владимировну Зиберт, Николая Александровича и Марию Сидоровну Бутиновых, и его коллег по Институту — Людмилу Николаевну Терентьеву, Ирину Александровну Золотаревскую, Юлию Павловну Аверкиеву, Людмилу Васильевну Маркову, многих-многих других, которых трудно даже просто перечислить.

Как правило, почти все люди, работавшие с Сергеем Александровичем, становились его близкими друзьями, так как он никогда не пользовался своим правом руководителя, а на равных спорил и доказывал свою правоту или соглашался с автором.

При этом он проявлял особую деликатность и скромность, когда он свое обоснованное и авторитетное мнение высказывал, начиная словом «кажется».

Друзей Сергей Александрович приобрел не только в Москве и Ленинграде, но и в других городах и даже за рубежом. В течение многих лет его близкими друзьями были супруги Шалва Денисович и Мирра Константиновна Инал-Ипа из Сухуми. Дружба с этой семьей также носила семейный характер. Другой парой друзей были Гоголевы (Захар Васильевич и его супруга) из Якутска. Не только профессиональной, но и семейной дружбой Сергей Александрович был связан с четой Митковых из Велико Тырного — Георгием и Еленой.

Среди его друзей были люди и других профессий, казалось бы, не близких к этнографии. Так в течение многих лет он много общался с болгарским психиатром Тодором Бостанджиевым и его женой Захариной. Их дружба началась с того, что Бостанджиев прислал Сергею Александровичу на отзыв свою докторскую диссертацию. Занимаясь проблемами пола, Бостанджиев включил в предмет своего исследования весь комплекс социальных взаимоотношений между полами и высоко оценил мнение Токарева по поводу своей работы.

Не можем также не упомянуть дружбу, связавшую Сергея Александровича и редактора ряда его работ Владимира Марковича Заранкина. Интеллигентность и деликатность Заранкина при редактировании рукописей Сергея Александровича стала основой их дружеских отношений.

Близкими друзьями Сергея Александровича становились и многие из его учеников: он всегда пользовался большой любовью у студентов и аспирантов. Они часто навещали его и после окончания учебы, участвовали в семейных сборищах. Причем это относилось не только к тем, кто продолжил занятия этнографией, но и к тем, кто позднее избрал другую профессию. Хочу оговориться: не все они имели формально своим руководителем Сергея Александровича, но даже если они встречались с ним уже в качестве сложившихся ученых, они становились не только его коллегами и друзьями, но и неформальными учениками, потому что у Сергея Александровича всегда было чему поучиться, так велики были его знания и готовность делиться ими.

Так, близким другом семьи стала ученица Сергея Александровича Эля Каменецкая. Во время учебы в аспирантуре она так увлеклась народной медициной, что получила второе образование в медицинском институте и стала врачом. Она много сделала для поддержания здоровья Сергея Александровича.

Преданным другом была также его бывшая студентка Любовь Степановна Грибова, ставшая видным этнографом Республики Коми. Она испытывала к Сергею Александровичу огромное уважение, записав в своем дневнике после его смерти: «Умер «последний из могикан» — так мы, его ученики, звали его. Унес с собой огромнейший запас этнографических знаний. Вряд ли он смог опубликовать все свои труды, но и опубликованного достаточно много, так что знает его весь мир. Да, пожалуй, и учеников у него по всему миру достаточно много. Заложил он знания десяткам поколений этнографов, знание и любовь к народам Земли, уважение к каждому народу, племени» (Дневник Л. Грибовой). Эту запись прислала Ольге Владимировне после трагической смерти Грибовой ее дочь.

Всегда навещал Сергея Александровича, будучи в Москве, Владимир Емельянович Владыкин, ныне профессор и заслуженный деятель науки Удмуртской Республики.

Возможно будет излишним говорить в данной аудитории, что ученицей Сергея Александровича была и сотрудница Института этнологии и антропологии РАН Надежда Георгиевна Деметер. Не только она сама, но ее родители и сестра стали друзьями Сергея Александровича и всей его семьи. Об этом, полагаю, она может рассказать более подробно.

Постоянными гостями в доме Сергея Александровича были также Ирина Андреевна Кремлева (Басилова), Елена Гаврилова и Инга Андроникова.

Но друзьями Сергей Александровича становились не только его соотечественники, но и его ученики из зарубежных стран. Теплые отношения связывали Сергея Александровича с Вольфгангом Кёнигом. Они познакомились в 1951 г., когда С. А. Токарев начал читать лекции в немецких университетах. Студент Лейпцигского университета В. Кёниг был назначен его ассистентом, стал его помощником и учеником. После успешного окончания в 1953 г. Лейпцигского университета В. Кёниг был направлен в аспирантуру в Советский Союз на кафедру этнографии МГУ, где под руководством С. А. Токарева начал работу над диссертацией по этнографии туркмен-текинцев Ахальского оазиса, которую блестяще защитил в 1957 г. В. Кёниг участвовал в работе нескольких советских этнографических экспедиций в Средней Азии, собрал обширные полевые материалы и коллекции, пополнившие фонды Лейпцигского этнографического музея. Приезжая в Москву, Кёниг обязательно посещал своего учителя, а также был его сопровождающим, когда Сергей Александрович посещал Германию.

Одной из талантливых учениц и коллег Сергея Александровича была Татьяна Колева. Выдающийся болгарский этнограф, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Этнографического института Болгарской Академии наук, она в 1968–1969 гг. работала в Институте этнографии АН СССР, где завязала самые дружеские отношения с Сергеем Александровичем.

В течение многих лет близкие дружеские отношения связывали Сергея Александровича и всю его семью с американской журналисткой, работавшей в Москве, Полой Гарб. С 1975 г. Пола Гарб со своими сыновьями жила в Москве, где она окончила антропологическое отделение исторического факультета Московского университета.

Еще одним коллегой и учеником Сергея Александровича был венгерский этнограф, антрополог, доктор исторических наук Петер Вереш, окончивший Московский университет и защитивший докторскую диссертацию в Институте этнографии АН СССР. Он также был частым гостем в доме Сергея Александровича.

Дружба и признательность связывали с Сергеем Александровичем и итальянского антрополога Джан Луиджи Браво. Благодаря ему на итальянский язык был переведен (правда, с сокращениями) один из важнейших фундаментальных трудов Сергея Александровича «Этнография народов СССР».

Можно назвать еще несколько имен зарубежных коллег и учеников, которые были связаны с Сергеем Александровичем не только официальными и профессиональными, но и личными отношениями. Его ученица из Австралии Ольга Гостина назвала его в своих воспоминаниях «моим дорогим, милым руководителем» (Говор 2000: 21–24). С ученицей из Англии Каролиной Хамфри (ныне почетный профессор Кембриджского университета и член Британской академии) Сергей Александрович сблизился не только в связи с научными проблемами, но и благодаря общей любви к музыке. Каролина играла на флейте, и дома, как это постоянно бывало, снова музицировали. Отношения Каролины с Сергеем Александровичем были настолько теплыми и дружескими, что, решив вступить в брак в Москве, она — пригласив в

Москву своего жениха, Николаса Хамфри, — отпраздновала свою свадьбу в доме Сергея Александровича. Его дом посещали также и английский антрополог Тамара Драгадзе, и его ученица из Швеции Анна-Луиза Кристиансен.

В заключение хотелось прояснить и еще один вопрос, связанный с убеждениями Сергея Александровича. Он с раннего возраста интересовался религией, будучи к тому же хорошо знакомым, в силу среды, в которой вырос, с православием. Но к религии он относился, в первую очередь, как этнограф и историк. Один из важнейших трудов его жизни — книга «Религия в истории народов мира». Приведенная в ней классификация религии, является, в сущности, выражением марксистской точки зрения. Сергей Александрович считал марксистский метод одним из весьма плодотворных, хотя и отдавал дань некоторым другим методам, не будучи приверженным догматизму. Однако, на деле его понимание религии и отношение к ней были гораздо глубже. Это заметил, например, посещавший его в 1960-е годы хорошо всем известный протоиерей Александр Владимирович Мень, с которым они вели жаркие беседы, в том числе по вопросам этики, морали, гносеологических корней религии, роли русской интеллигенции в русской истории и т. д. После смерти Сергея Александровича о. Александр написал письмо его жене Ольге Владимировне, в котором утверждал, что, по его мнению, Сергей Александрович был не атеистом, а деистом. Сам Сергей Александрович, уже будучи в возрасте почти 80-ти лет, признавался в письме к жене, что у него «сейчас совсем другие мысли о религии» (Письмо 1978). Частично это отразилось в дискуссии по вопросам религии, которая возникла на страницах журнала «Советская этнография» в 1979–1981 гг. в связи с публикацией статьи Сергея Александровича «О религии как социальном явлении (мысли этнографа)» (Токарев 1979; Токарев 1981)¹. Один из его оппонентов даже выразился так: «Мы до сих пор считали Токарева марксистом, а теперь...»². «Уж эти мне правоверные «марксисты», — писал об этом отзыве С. А. Токарев жене, — смертельно боящиеся хоть одно слово написать самостоятельно...» (Письмо 1980).

Сергей Александрович очень хорошо относился к людям. Он был склонен преувеличивать достоинства людей, а недостаткам находить оправдания, связывать их с тяжелой жизнью или несчастливymi обстоятельствами (за что его друг Г. Н. Поспелов часто называл Сергея Александровича «князем Мышкиным»). Он не любил слушать, если кто-то пытался говорить дурное об их общих знакомых. Дома он часто повторял — «если Петр плохо говорит и о Павле, то мы больше узнаем о Петре, чем о Павле».

Он был и очень обязательным человеком. Любую просьбу обязательно исполнял, от кого бы она ни исходила. Он пытался помочь не только отдельным людям, но и народам. Например, послал два письма правительству о возвращении крымских татар, но даже не получил ответа (Токарева 1995: 14).

Заслуги Сергея Александровича в области науки не исчерпывают его уникальность как личности. Его доброжелательность, внимание к людям, убеждения и принципы, многие другие черты характера, свойственные только ему и выделяющие его среди его родных и коллег, сделали его человеком, память о котором останется не только в науке, но и в сердцах людей.

¹ На эту статью было восемь откликов от ведущих специалистов в области религиоведения.

Дискуссия завершилась заключительным ответом С. А. Токарева.

² С этим отзывом Сергей Александрович ознакомился до печати. В печати появилась смягченная версия отзыва.

Источники и материалы

- Письмо 1924 — Письмо Александра Ивановича к Сергею Александровичу и Вере Александровне от 27 января 1924 г. Семейный архив.
- Письмо 1978 — Письмо С. А. Токарева к О. В. Токаревой от 19 января 1978 г. Семейный архив.
- Письмо 1980 — Письмо С. А. Токарева к О. В. Токаревой от 8 июля 1980 г. Семейный архив. РГАЛИ. Ф. 2113 — Российский государственный архив литературы и искусства. Фонд 2113: Дарский Д. С.
- Постановление 1936 — Постановление Центрального комитета Профессионального союза работников политико-просветительных учреждений СССР от 31 декабря 1936 г. Семейный архив.
- Дневник Л. Грибовой — Дневник Л. Грибовой. Семейный архив.
- Токарев 1980 — Токарев С. А. Краткие биографические сведения об А. И. Токареве (машинопись, 22.08.1980 г.), составлены для Алексинского краеведческого музея. Семейный архив.
- Тульские 1901 — Тульские епархиальные ведомости. 1901. № 3–4. <http://tulaeparchia.ru/prebyvanie-protoiereya-ioanna-kronshadtского-v-gorode-tule/>

Научная литература

- Анчабадзе Ю. Д. С. А. Токарев: начало пути // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 120–133.
- Басилов В. Н. С. А. Токарев, как представитель русской культуры // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке / Отв. ред. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 31–40.
- Говор Е. Ольга Гостина из рода Кочубеев, австралийский этнограф // Австралиада. 2000 № 24. С. 21–24; 2000. № 25. С. 10–13. <https://elenagovor.com/Gostin.htm>
- Елькова Е. Ю. С. А. Токарев в Туле и Алексине // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке / Отв. ред. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М.: ИЭА РАН. С. 15–23.
- Игумен Евфимий (Моисеев). Забытый святитель-миссионер: жизнь и труды епископа Камчатского, Курильского и Благовещенского Макария (Дарского) (1842–1897) // Вестник исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии. 2021. № 2 (7). С. 13–21. https://doi.org/10.47132/2587-8425_2021_2_13
- Токарев С. А. О религии как социальном явлении (мысли этнографа) // Советская этнография. 1979. № 3. С. 87–105.
- Токарев С. А. Еще раз о религии как социальном явлении (ответ моим критикам) // Советская этнография. 1981. № 1. С. 51–67.
- Токарева О. В. Краткие биографические сведения о С. А. Токареве // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке / Отв. ред. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 7–14.

References

- Anchabadze, Yu. D. 2010. S. A. Tokarev: nachalo puti [S. A. Tokarev: The Beginning of the Way]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 120–133.
- Basilov, V. N. 1995. S. A. Tokarev, kak predstavitel' russkoi kul'tury [S. A. Tokarev as the Representative of Russian Culture]. In *Blagodarim sud'bu za vstrechu s nim. O Sergee Aleksandroviche Tokareve — uchenom i cheloveke* [We Thank the Fate for Meeting with him. About Sergey Aleksandrovich Tokarev — A Scholar and a Man], ed. by S. Y. Kozlov and P. I. Puchkov. Moscow: IEA RAN, 1995. P. 31–40.

- Elkova, E. Yu. 1995. S. A. Tokarev v Tule i Aleksine [S. A. Tokarev in Tula and Alexin]. In *Blгодарим sud'bu za vstrechu s nim. O Sergee Aleksandroviche Tokareve — uchenom i cheloveke* [We Thank the Fate for Meeting with him. About Sergey Aleksandrovich Tokarev — A Scholar and a Man], ed. by S. Y. Kozlov and P. I. Puchkov. Moscow: IEA RAN. P. 15–23.
- Govor, E. 2000. Ol'ga Gostina iz roda Kochubeev, avstraliiskii etnograf [Olga Gostina from the Kochubey Family, the Australian Ethnographer]. *Avstraliada* 24: 21–24; 25: 10–13. <https://elenagovor.com/Gostin.htm>
- Igumen Evfimii (Moiseev). 2021. Zabytyi sviatitel'-missioner: zhizn' i trudy episkopa Kamchatskogo, Kuril'skogo i Blagoveshchenskogo Makariia (Darskogo) (1842–1897) [The Forgotten Missionary Saint: The Life and Works of Bishop Macarius (Darsky) of Kamchatka, Kuril and Blagoveshchensk (1842–1897)]. *Vestnik istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii* 2(7): 13–21. https://doi.org/10.47132/2587-8425_2021_2_13
- Tokarev, S. A. 1979. O religii kak sotsial'nom yavlenii (mysli etnografa) [On Religion as a Social Phenomenon (Thoughts of an Ethnographer)]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 87–105.
- Tokarev, S. A. 1981. Eshche raz o religii kak sotsial'nom yavlenii (otvet moim kritikam) [Once Again on the Religion as a Social Phenomenon (a Response to my Critics)]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 51–67.
- Tokareva, O. V. 1995. Kratkie biograficheskie svedeniia o S. A. Tokareve [Brief Biographical Information on S. A. Tokarev]. In *Blгодарим sud'bu za vstrechu s nim. O Sergee Aleksandroviche Tokareve — uchenom i cheloveke* [We Thank the Fate for Meeting with him. About Sergey Aleksandrovich Tokarev — A Scholar and a Man], ed. by S. Y. Kozlov and P. I. Puchkov. Moscow: IEA RAN. P. 7–14.